

В. Н. Фигнер в Переславле-Залесском

Хочу поделиться с читателями «Коммунара» моими воспоминаниями о посещении Переславля знаменитой революционеркой, многолетней узницей Шлиссельбургской крепости Верой Николаевной Фигнер. К сожалению, не могу точно датировать год её приезда, но думаю, не ошибусь, что это было в середине 20-х годов.

Моя мать, художница О. Л. Делла-Вос-Кардовская, познакомилась с Верой Николаевной на торжественном собрании, посвящённом 8-му Марта, и получила её согласие позировать для портрета. Во время сеансов моя мать много рассказывала ей о Переславле, а Вера Николаевна как раз прочла «Родники Берендея» Пришвина и ей захотелось самой посетить и ознакомиться с нашим чудесным городом.

Помню, как ярким летним днём я с родителями сидела на балконе «дома на горе», как мы называли дом отца, художника Д. Н. Кардовского (ныне дом творчества его имени). Скрипнула калитка, и к нам направились три фигуры. Впереди твёрдой походкой шла очень прямая, невысокого роста женщина в белом чесучовом пальто, с непокрытой головой, и ещё не вполне седыми волосами и тонкими чертами лица, сохранившими черты былой красоты. Остальные двое были её спутниками, тоже бывшие политкаторжане — чета Лебедевых. Появление это было совершенной неожиданностью. Осмотрев дом и сад, Вера Николаевна выразила желание провести с нами весь следующий день с тем, чтобы, переночевав, отправиться на Ботик.

Эта программа была выполнена очень удачно. День выдался такой же тёплый и солнечный. Вера Николаевна прибыла к нам в назначенный час. Мы гуляли по саду, сидели на балконе, много беседовали. Она была прекрасным собеседником, полным интереса к современности, к вопросам литературы и искусства. Днём зашёл к нам Г. П. Альбицкий, наш хороший знакомый, сын академика П. М. Альбицкого. Прекрасный рассказчик, он увлекательно повествовал о различных эпизодах истории Переславля, вставляя в свой рассказ народные легенды и предания. Вера Николаевна внимательно слушала и, когда он попросил её написать в его альбом свой автограф, сказала, что вообще она никаких автографов не даёт, но в данном случае сделает исключение и выполнит его просьбу.

Можно себе представить, с каким интересом я наблюдала за этой знаменитой, героической женщиной. Больше всего меня поразило то, что, несмотря на преклонный возраст, она сохранила черты характера времён своей молодости. В ней чувствовалась очень сильная, волевая натура горячего борца за свои идеалы.

На следующее утро Вера Николаевна выбрала меня своей спутницей, и мы осмотрели снаружи Горицкий монастырь. Помню, как тут Вера Николаевна рассказала мне о гнетущей тяжести пребывания в одиночной камере, о том, как, выйдя из заточения после постоянной тюремной тишины, её нервы не выносили ни малейшего шума, и даже стук чайной ложки о чашку заставлял вздрагивать. Её брат, известный тенор бывшего Мариинского театра в Петербурге, выстроил для неё в саду своей дачи специальный флигель, чтобы Вера Николаевна безболезненно приучалась к обычной жизни.

Днём мы отправились на Ботик, путь к которому от нашего дома достаточно далёкий, Вера Николаевна категорически отказалась отправиться туда иначе, как пешком, и совершила это путешествие без всякого отдыха, опять удивив всех нас своей выдержкой и выносливостью. Чету Лебедевых, которым было поручено заботиться и оберегать её, она в грош

не ставила и делала всё так, как сама того хотела. В данном случае только согласилась, чтобы они заехали за нею к парку Ботика на тарантасе. На этом заканчиваются мои личные воспоминания о посещении Верой Николаевной моих родителей.

Сколько времени она пробыла в Переславле, я не помню, но от Переславского художника Бориса Ивановича Покровского слышала рассказ ещё об одной поездке, в которой она проявила для своих лет немалое мужество. Ей очень хотелось покататься по озеру. Борису Ивановичу и было поручено организовать эту поездку, так как он был человеком опытным в управлении лодками. Моторов тогда не существовало. Ездили на вёслах и с парусом. В день, назначенный для поездки, дул сильный ветер. Озеро было покрыто беляками. Отложить поездку Вера Николаевна отказалась. Подняли парус и, прорезая волны, добрались до устья Вёксы. Борис Иванович надеялся там переждать — ветер мог стихнуть. Но Вера Николаевна, которая совершенно спокойно реагировала на происходящее, пожелала поехать ещё на Кухмарь и Александрову гору. Пришлось подчиниться. Покровский рассказывал, что всю эту поездку он чрезвычайно волновался, боясь, как он шутливо добавил, «войти в историю как утопитель Веры Фигнер».